местить с поэзией: «...перед зерцалом души его предстояла не только идея внешней красоты, как оная, может быть, находилась в душе какого-либо греческого художника, но и идея гармонии, возвышающей все наши внутренние чувства... Он видел всего человека, как внутреннего, так и внешнего, нераздельно в идеальной форме, как только философ представлять может».[62] Очень интересно, что критика «унылого романтизма», субъективизма прозвучала из уст Жуковского в статье «О поэзии древних и новых», которая воспроизводит применительно к романтической поэзии концепцию Шиллера о «наивной и сентиментальной поэзии». «Новые» уступают «древним» в том, что слишком удалились «из чувственного мира» в мир мысленный, где нас окружают одни идеалы. Жуковский понимал, что надо, по словам Гете, обратиться более к «объекту».

К такой трактовке новой поэзии присоединялась концепция романтизма как поэзии средневековья, когда в отличие от времени язычества преобладает идеал над вещественной природой. Основа «средневекового романтизма» — понятия, введенные христианством, предметы — события первых веков, нравы тогдашних европейцев, подвиги рыцарей, защитников невинности и карателей злобы, а отличительное свойство — наклонность к понятиям отвлеченным, унылая мечтательность и стремление к лучшему, блаженному миру. О. Сомов против такого узкого понимания романтической поэзии. Но и он признает: «Все, что мы, по нашим понятиям, представляем в виде отвлеченном, греки облекали в чувственные формы и отражали близко к понятиям первобытных человеков».[63] Рылеев учитывает это противопоставление: «Наша поэзия более содержательная, нежели вещественная: вот почему в нас более мыслей, у древних более картин; у нас более общего, у них частностей.[64] Неясность и невещественность «унылого романтизма» вызывают критику Кюхельбекера (статья «О направлении нашей поэзии»). Выход — в народности, неподражательности. Пушкин-реалист разрешал эту проблему в первых главах «Онегина», где и откликнулся на статью Кюхельбекера (IV глава).

Мы видели, что в большинстве оригинальных работ 1800—нач. 1820 годов о проблеме древних и новых в центре внимания — русская литература. Шла переоценка ценностей. Пересматривались репутации Сумарокова и Хераскова, проходили испытания временем Ломоносов, Кантемир, Фонвизин, Державин, Крылов, Карамзин, Жуковский. Статьи о «новых и древних», поэтики и даже примечания к переводным теоретическим трудам (Лонгин, Батте) в сущности были заготовками будущих критических обзоров (А. Бестужев — Белинский), положивших начало созданию истории русской литературы (цикл статей Белинского о Пушкине).

---

[62] Аврора, 1805, т. 1, № 1, с. 76.
[63] *Сомов О.* О романтической поэзии..., с. 18—25.
[64] *Рылеев К. Ф.* Несколько мыслей о поэзии..., с. 558.